ИНСТИТУТ ЛЕНА
БИБЛИОТЕКА
ЦД2
0125

Ц82
0125

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ.

„ ..... необъятное значеніе судебной реформы Алек-
„ сандра II, которая занимаетъ мѣсто на ряду съ освобожде-
„ ніемъ крестьянъ. Это былъ первый въ русской землѣ судъ
„ самостоятельный, законный, который поставилъ должные
„ предѣлы самой администраціи и положилъ начало для во-
„ дворенія въ русскомъ обществѣ уваженія къ законности ".

(Журналъ Мин. Нар. Просв., Іюнь, 1898. Критика, стр. 429. «Политика, какъ самостоятельная наука въ области государственныхъ знаній»).

4Д2
0 125

Библиотека ИМЭЛ 413887 у

2012
У

Великое значеніе реформъ, предпринятыхъ въ первой половинѣ царствованія Императора Александра II, можетъ только рости съ теченіемъ времени и имя его, связанное въ нашей исторіи съ этими реформами, будетъ только болѣе и болѣе выситься въ памяти народной пока мы будемъ жить какъ нація. Но на свѣтѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и благоговѣніе предъ памятью трагически погибшаго Царя - Освободителя нашего народа не должно намъ закрывать глаза на недостатки и ошибки его преобразованій.

Судебная реформа составляетъ несомнѣнно одинъ изъ главныхъ памятниковъ той свѣтлой, хотя кратковременной эпохи, которая была ознаменована первою половиною его царствованія. Но судебная реформа, какъ—говоря вообще—и всѣ наши административныя реформы, не была результатомъ самостоятельной разработки и не выросла изъ своихъ натуральныхъ, національныхъ основъ и потребностей, а заимствована цѣликомъ изъ западной Европы и водворена у насъ точно такимъ же методомъ, какимъ руководствовался Петръ I, научившій насъ, не долго разсуждая, послушно принаровляться ко всѣмъ проявленіямъ западной жизни, въ какой бы даже странной и причудливой формѣ они намъ не представлялись, и не допуская никакого разбора или колебанія въ выборѣ,

все хорошее и худое перенимать цѣликомъ и разводить у себя. Что западная цивилизація въ своемъ развитіи какъ тогда, такъ и въ болѣе близкія къ намъ времена стояла далеко впереди нашей собственной, что на западѣ представлялось намъ зрѣлище многихъ уже широко развитыхъ и устроенныхъ учрежденій, которыхъ намъ еще не доставало, и когда потребность въ подобныхъ институтахъ зарождалась и возникала и у насъ, то мы, весьма естественно, обращали глаза на другія страны и останавливали свое вниманіе на западныхъ образцахъ, — то въ этомъ не было зла и ничего противъ этого сказать нельзя; это въ натуральномъ порядкѣ вещей. Но если мы беремъ къ себѣ чужое растеніе, возращенное на извѣстной, ему свойственной почвѣ, и не задумываясь о послѣдствіяхъ, пересаживаемъ его цѣликомъ на свою, совсѣмъ инаго свойства, почву, — то это едва ли можно находить столь же основательнымъ. У человѣка, по волѣ природы, двѣ руки, повидимому одинаково организованныя и потому одинаково способныя къ работѣ. Но въ теченіи вѣковъ у человѣка составилась привычка, обратившаяся какъ бы во вторую натуру, употреблять преимущественно свою правую руку. Въ такихъ человѣческихъ обществахъ, въ которыхъ въ теченіи вѣковъ, правая рука занимала всегда первенствующую роль, а лѣвая только второстепенную или вспомогательную, очень естественно могутъ выработаться практическіе пріемы занятій, рукодѣлій и искуствъ, которые будутъ носить на себѣ неизгладимый отпечатокъ работы именно правой руки. Но съ другой стороны, случается нерѣдко встрѣтить человѣка «лѣвшу», дѣлающаго всѣ свои главныя работы лѣвою, а не пра-

вою рукою, и ничто не мѣшаетъ по крайней мѣрѣ вообразить себѣ возможность существованія цѣлыхъ обществъ и народовъ «лѣвшей», у коихъ дѣятельность лѣвой руки въ теченіи многихъ поколѣній разработывалась бы и развилась такъ же, какъ у насъ случилось съ правою. Если теперь, въ такомъ обществѣ «лѣвшей» родится желаніе ввести у себя какое нибудь производство, рукодѣліе или ремесло, уже широко распространенное и развитое въ обществѣ, гдѣ все дѣлается правою рукою,—то хорошо-ли и разумно-ли поступятъ «лѣвши», перенося къ себѣ и ухищряясь скалькировать и копировать пріемы правой руки, которая у нихъ—«лѣвшей»,—сравнительно атрофирована и неловка вслѣдствіе малаго употребленія.

Нѣчто подобное представляется нерѣдко въ исторіи нашихъ «реформъ». Понятно, что заимствовать, перенять или скопировать и даже «примѣнить» къ нашимъ условіямъ нѣчто уже готовое и обдѣланное будетъ всегда легче, чѣмъ своими собственными усиліями выработать и создать нѣчто свое, оригинальное. Усилія и напряженія ума въ послѣднемъ случаѣ потребовалось бы несравненно болѣе, а путь подражанія кажется гладокъ и отлогъ и такого усилія и долгой работы не требуетъ, а западная Европа съ своею зрѣлою цивилизаціей и готовыми образцами (и въ особенности Франція, столь для насъ симпатичная)—представляется такимъ увлекательнымъ примѣромъ. Но практическій результатъ не всегда оправдываетъ надежды, возлагаемыя на успѣхъ копированія и нерѣдко приходятъ на умъ слова стараго поэта прошедшаго столѣтія :

«Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
«То въ точности быть можетъ скаредно на русскомъ»

Точно такъ случилось и съ судебной реформой и судомъ присяжныхъ. Мы взяли ихъ цѣликомъ изъ чужихъ странъ и перенесли какъ есть къ себѣ, не затрудняясь тѣмъ, что институтъ этотъ выросъ и исторически развился тамъ при совсѣмъ другихъ условіяхъ и требованіяхъ общественной жизни.

Человѣкъ обреченъ на жизнь соціальную, для которой онъ и созданъ; поставленный отдѣльно, онъ слабъ и безпомощенъ. Но во всякой ассоціаціи, сколь бы малочисленна она ни была, съ первой же минуты ея осуществленія проявляется потребность нѣкоторой регламентаціи отношеній между ея членами, установки нѣкоторыхъ правилъ общежитія. Въ селахъ и городахъ, представляющихъ примѣры болѣе обширныхъ ассоціацій, вводятся полицейскія постановленія, иногда имѣющія видъ деспотическаго произвола и стѣсненія личной свободы, но въ сущности направленныя къ общей выгодѣ согражданъ, къ охраненію общаго спокойствія и благосостоянію всѣхъ членовъ общества. Тоже самое, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ представляютъ государства и тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ урегулированіи отношеній и условій совмѣстной жизни для сотенъ тысячъ или милліоновъ людей, подобныя же правила регламентаціи — «законы»—представляются еще болѣе необходимыми.

«Законы» природы непогрѣшимы, непоколебимы и вѣчны какъ міръ Божій; предъ ними преклоняться и имъ подчиняться должно все существующее на землѣ и на небѣ. Но «законы» человѣческіе не суть что либо столь же непоколебимое и незыблемое какъ за-

коны природы—законы Божіи, и въ сущности ничего болѣе, какъ реглементація условій и правилъ общественной жизни, выработанныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исторіею народа и накопившимся опытомъ предшествовавшихъ вѣковъ и поколѣній. Какихъ нибудь отвлеченно вѣрныхъ и точныхъ, какъ воображаемые «вѣсы правосудія» и непогрѣшимой юстиціи на землѣ не существуетъ и не можетъ существовать. Самый совершенный законъ есть все таки не болѣе, какъ «компромисъ» между потребностію личной свободы и нестѣсняемости дѣйствій для каждаго и условіями общаго для всѣхъ интереса, общей безопасности и благосостоянія и наибольшаго для всѣхъ доступа къ возможнымъ удобствамъ и благамъ земной жизни. Правосудіе (юстиція) имѣетъ цѣлію охраненіе и соблюденіе установленнаго законами страны порядка, и—какъ слѣдствіе такой задачи,—преслѣдованіе и наказаніе, въ примѣръ и предостереженіе другимъ, нарушителей этого порядка или закона, т. е. установленныхъ и нужныхъ для общаго благосостоянія правилъ общежитія. Такимъ образомъ, учрежденіе особыхъ судей и судебной власти возникаетъ изъ естественной потребности или необходимости имѣть довѣренныхъ лицъ, спеціалистовъ и людей опыта, полному знакомству съ подробностями установленныхъ и существующихъ законовъ и мудрости которыхъ можетъ быть довѣрено столь важное для всѣхъ и каждаго изъ членовъ общества блюденіе установленнаго законами страны порядка и расточеніе правосудія, безпристрастнаго и равнаго для всѣхъ безъ изъятія. Изъ этого видно, какую важную и необходимую роль въ жизни человѣческихъ обществъ играетъ судебная часть.

Можно себѣ представить, что въ первобытныя времена, въ сравнительно немногочисленныхъ человѣческихъ обществахъ, они сами непосредственно избирали изъ своей среды лицъ, мудрости и нелицопріятію коихъ они болѣе довѣряли, чтобы быть для нихъ посредниками и судьями въ случаѣ несогласій или распрей между членами общества и вообще блюстителями установленныхъ правилъ общежитія.

Въ такихъ судьяхъ, избираемыхъ самимъ обществомъ изъ своей среды, а равно смѣняемыхъ или удаляемыхъ имъ же по своей волѣ, общество могло видѣть твердое обезпеченіе условленнаго и установленнаго порядка и возлагать на нихъ свое довѣріе. Но съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени правительственная власть крѣпчала и усиливалась, эта послѣдняя стремилась все болѣе и болѣе забирать въ свое непосредственное завѣдываніе болѣе или менѣе всѣ отправленія и отрасли политической и общественной жизни. И само собою разумѣется, что судная часть, какъ одна изъ наиболѣе важныхъ сторонъ этой жизни, весьма скоро очутилась въ рукахъ правительствъ и сдѣлавшись одною изъ главныхъ опоръ государственной власти, стала считаться одною изъ главныхъ прерогативъ короны. Но судъ административный или правительственный,—судъ, ускользнувшій такимъ образомъ изъ рукъ народа и прямаго вліянія общества, никогда не могъ внушать этому послѣднему въ сущности ничего инаго вообще кромѣ недовѣрія, доходящаго до подозрѣнія въ несправедливости и опасныхъ и притѣснительныхъ, если не прямо враждебныхъ для общества побужденіяхъ. Эти два повидимому радикально противоположныя теченія нашли

съ теченіемъ времени примиреніе въ компромисѣ, осуществленномъ *судомъ присяжныхъ*. Суть этого процесса, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ существуетъ, состоитъ въ томъ, что вся судная часть, ея устроеніе, избраніе и назначеніе судей и вся судебная процедура отъ начала и до заключенія процесса, осталась всецѣло въ рукахъ правительственной власти. Но правительство говоритъ обществу: въ каждомъ случаѣ, который по существующему закону и моему взгляду требуетъ судебнаго вмѣшательства и приговора, я беру на себя иниціативу и обязанность разслѣдовать, и затѣмъ разобрать и обсудить все дѣло, освѣтивъ его всѣмъ свѣтомъ закона: это дѣло моихъ судей. Но это все будетъ дѣлаться публично, передъ глазами общества и я не приступлю къ практическому рѣшенію и его исполненію, т. е. къ наказанію виновныхъ или оправданію обвиняемыхъ, не спросясь у васъ, общества, находите-ли *вы* ихъ виновными или невиновными? и окончательное рѣшеніе будетъ предоставлено самому обществу. Но въ этомъ и будетъ заключаться вся гарантія нелицепріятности и справедливости, которую я могу дать вамъ; ни какого другаго вмѣшательства и ни какого инаго участія съ вашей стороны въ направленіи моей судной процедуры я не желаю и не допускаю. Общество, которое не можетъ дѣйствовать всею своею массою, назначитъ по жребію или по общей очереди, которой будутъ подлежать всѣ его члены, опредѣленное число гражданъ, своихъ представителей, которымъ предоставлено будетъ присутствовать при послѣднемъ фазисѣ уголовнаго процесса, словесномъ разбирательствѣ въ открытомъ судѣ, причемъ дана будетъ полная свобода словопреніямъ между

обвиненіемъ и защитою, — и за тѣмъ, эти же самые граждане, «присяжные», сами произнесутъ рѣшеніе: «*виновенъ*» или «*не виновенъ*». Чего же еще можетъ желать и требовать общество,—если послѣднее рѣшительное слово правительство отдаетъ ему и изъявляетъ готовность исполнить его рѣшеніе, каково-бы оно ни было? Но если общество — или его представители, «присяжные», видятъ несправедливость или тенденціозность въ подготовительномъ веденіи процесса и во всей его обстановкѣ, если они съ своей стороны иначе, съ другой точки зрѣнія смотрятъ на совершенное дѣйствіе чѣмъ смотритъ правительство и его судьи, находящіеся на его, правительственномъ жалованьи, и слѣдов. въ полной зависимости отъ правительства, — что остается при такомъ разномыслiи дѣлать присяжнымъ? Не имѣя возможности выразить иначе свое недовольствіе теденціозными или пристрастными дѣйствіями казенныхъ судей или показать свои личныя симпатіи и расположеніе общества въ данномъ случаѣ къ мягкости и снисхожденію,—они выносятъ изъ своихъ совѣщаній *оправдательный* приговоръ нерѣдко въ такихъ даже случаяхъ, когда не только буква закона, но здравый разсудокъ и натуральное чувство справедливости требуетъ совсѣмъ другаго. Мы видимъ слишкомъ часто подобные примѣры въ особенности въ процессахъ, имѣющихъ политическій оттѣнокъ. Во Франціи, молодая женщина, Шарлотта Корде убиваетъ государственнаго человѣка потому только, что ей не нравится и возбуждаетъ ея негодованіе его система дѣйствій,—которыя однако ея лично ни сколько не касаются. У насъ, въ Россіи, совершенно аналогичный случай. Вѣра Засуличъ стрѣляетъ въ государственна-

го дѣятеля потому также, что ее возмущаетъ характеръ его дѣятельности. Но Шарлотта Корде подвергается немедленно смертной казни, а нашу героиню судъ присяжныхъ оправдываетъ. Впрочемъ судебная практика изобилуетъ подобными примѣрами. Въ другихъ случаяхъ, хотя политика и не играетъ ни какой роли, но приговоры присяжныхъ представляются не менѣе странными. Во Франціи, всѣ почти уголовные процессы объ убійствахъ или покушеніяхъ на убійство, изуродованіяхъ и пораненіяхъ вслѣдствіе порывовъ ревности или мщенія за измѣну въ любви оканчиваются, какъ извѣстно, оправдательнымъ приговоромъ, но это происходитъ отъ общей распущенности нравовъ (по крайней мѣрѣ мужской половины общества) и отъ того, что ни одинъ французъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ и не умилиться, какъ скоро почуетъ только то, что (вульгарно выражаясь) называется «запахъ клубнички». Но оставя излюбленныхъ нами французовъ въ покоѣ, можно кажется и безъ нихъ видѣть, какъ часто «судъ присяжныхъ» въ своей нынѣшней формѣ обманываетъ питаемое къ нему довѣріе и оставляетъ желать какой нибудь иной, болѣе надежной формы правосудія. Ибо юстиція—правосудіе—одинъ изъ основныхъ, «краеугольныхъ» камней всякаго общества и государства, и нежелательно, чтобы этотъ камень слишкомъ часто расшатывали приговоры съ вѣтру созванныхъ «присяжныхъ» судей.

У насъ, въ Россіи, вводить именно эту форму суда, какъ онъ практикуется въ западной Европѣ, ничто не заставляло и не представлялось конечно ни какой особенной надобности. Судъ присяжныхъ на Западѣ вышелъ изъ историческаго процесса антаго-

низма и борьбы между народною массою и правительственною властью, какъ компромисъ между двухъ разнородныхъ направленій или двухъ не довѣряющихъ другъ другу политическихъ сторонъ. Но у насъ никогда подобной борьбы не существовало и не могло существовать, и судъ присяжныхъ былъ неожиданнымъ подаркомъ, сюрпризомъ для народа, которымъ пожелали его надѣлить наши просвѣщенные «западники» 60-тыхъ годовъ. Что наши прежніе, до реформенные суды были изъ рукъ вонъ плохи,—это фактъ, оспаривать который вѣроятно никто не станетъ. Что они настоятельно нуждались въ радикальномъ исправленіи, это также несомнѣнно. Но что вмѣсто собственной, національной разработки задачи такой всеобъемлющей важности, можно и разумно было прямо схватиться за готовый французскій или вообще западный образецъ и пересадить его цѣликомъ къ намъ,—что для насъ собственно, въ Россіи, не представлялось и нельзя было найти ничего лучшаго, какъ рабское копированіе иноземнаго и совершенно намъ чуждаго учрежденія,—вотъ съ чѣмъ я не могу согласиться, и труды нашихъ великихъ и малыхъ реформаторовъ XVIII и XIX столѣтій мнѣ часто представляются слѣпымъ и рабскимъ подражаніемъ, свидѣтельствующимъ о несостоятельности и недочетахъ своей собственной духовной силы.

Подражательность есть качество всѣхъ нисшихъ и менѣе развитыхъ, или слабыхъ и еще не окрѣпшихъ натуръ. Этотъ талантъ приписывается и существуетъ въ высокой степени у обезьянъ, которыя любятъ подражать людямъ. Но еще лучшій примѣръ представляютъ наши дѣти. Нѣтъ бо́льшихъ подражателей какъ

дѣти, но съ годами, по мѣрѣ того какъ собственный разсудокъ развивается и крѣпнетъ, инстинктъ подражанія постепенно забывается и тѣ-же самыя дѣти, достигнувъ возмужалаго возраста, становятся сами оригиналами и образцами для подражанія слѣдующему поколѣнію. Послѣ двухсотлѣтняго неутомимаго обезьяничанья и подражанія западной цивилизаціи, мы, казалось бы, могли имѣть сами претензію на нѣсколько бо́льшую самостоятельность и право перестать быть дѣтьми и жить своимъ собственнымъ умомъ. Но у нашихъ законодателей не хватило на это смѣлости. Внѣшнихъ препятствій не было на ихъ дорогѣ; передъ ними разстилалось гладкое поле, на которомъ можно было дѣлать и строить что угодно. Это не то, что въ государствахъ, гдѣ вся нація въ лицѣ своихъ представителей участвуетъ во всякой законодательной работѣ, гдѣ всякая перемѣна и нововведеніе возбуждаютъ требованія и столкновенія разнородныхъ интересовъ и рожденію каждаго новаго закона предшествуетъ иногда продолжительная борьба политическихъ партій, почему новый законъ нерѣдко является окончательно въ передѣланномъ и измѣненномъ видѣ, неузнаваемымъ для самихъ его иниціаторовъ, представляя собою только кое-какъ улаженный компромисъ между разнородными и часто противоположными интересами и направленіями. Таковъ былъ характеръ происхожденія института суда присяжныхъ въ западной Европѣ. Но не смотря на его несовершенства мы должны смотрѣть на него какъ на одно изъ драгоцѣннѣйшихъ завоеваній новѣйшей цивилизаціи: залогъ личной свободы для гражданъ и неуклоннаго и безпристрастнаго исполненія установленныхъ

законовъ. Такъ казалось бы по теоріи, но на практикѣ встрѣчаются слишкомъ часто такіе примѣры, которые позволяютъ усумниться въ этомъ и желать чего нибудь лучшаго и болѣе надежнаго.

Совершеннаго въ полномъ смыслѣ слова правосудія на землѣ не существуетъ и существовать не можетъ, но земныя формы его могутъ быть различны и позволительно между ними искать такую, которая обѣщаетъ быть менѣе несовершенною.

Не касаясь существующаго порядка вещей болѣе чѣмъ необходимо нужно и желая сохранить въ институтѣ, выработанномъ вѣками, все что заслуживаетъ сохраненія и можетъ продолжать существовать и дѣйствовать, можно кажется вообразить себѣ тотъ-же судебный процессъ съ участіемъ присяжныхъ какъ онъ теперь существуетъ, но только съ нѣсколько измѣненнымъ распредѣленіемъ ролей.

Хотя въ нашемъ законодательствѣ, какъ и въ другихъ, есть статья, устанавливающая, что «незнаніемъ закона никто не можетъ отговариваться», но это только предупреждаетъ возможную отговорку подсудимаго или прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и не мѣшаетъ тому факту, что за исключеніемъ людей, получившихъ м. б. спеціальное юридическое образованіе, въ числѣ обыкновенныхъ присяжныхъ засѣдателей найдется весьма мало лицъ, обладающихъ сколько нибудь удовлетворительнымъ знакомствомъ съ законами, для приложенія которыхъ они призываются.

Надо требовать отъ каждаго только то, что онъ наиболѣе способенъ дать: отъ судей—какъ экспертовъ по законовѣдѣнію и судебной практикѣ—правильнаго толкованія закона и неуклонно вѣрнаго и безпристра-

стнаго приложенія его къ разбираемому случаю; отъ присяжныхъ—только немного гражданскаго мужества и добросовѣстнаго, нелицепріятнаго и откровеннаго изъявленія своего мнѣнія. И потому было бы несомнѣнно разумнѣе и логичнѣе рѣшеніе вопроса о степени виновности подсудимаго, со всѣми относящимися къ тому подробностями предоставить самому трибуналу, т. е. судьямъ, какъ экспертамъ по юридическимъ вопросамъ. И понятно, что такими экспертами могутъ быть только спеціалисты, сдѣлавшіе изученіе законовъ и ихъ практическаго примѣненія задачею своей жизненной карьеры, т. е. профессіональные судьи, и ихъ просвѣщенному сужденію и юридической опытности приличнѣе и благонадежнѣе будетъ поручить, вникнувъ во всѣ обстоятельства и характеръ совершеннаго дѣйствія или преступленія и сопоставивъ его со всѣми относящимися къ данному случаю статьями закона и примѣрами судебной практики, объяснить присяжнымъ и публикѣ—или, что по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла и сличеніемъ его съ касающимися статьями свода, и на основаніи своего знанія закона они не находятъ въ совершенномъ дѣйствіи вины обвиняемаго, т. е. признаютъ его невиннымъ, — или же, что дѣйствіе совершенное обвиняемымъ, относится къ числу проступковъ или преступленій, предусмотрѣнныхъ такою-то и такою-то статьями закона, который за такого рода дѣянія опредѣляетъ такія-то наказанія, составляющія нѣкоторую лѣстницу или нѣсколько степеней наказаній, изъ которыхъ предстоитъ теперь присяжнымъ избрать наиболѣе соотвѣтствующее и подходящее къ данному случаю.

Библиотека ИМЭ. 413887.

Вслѣдъ за симъ начинается дѣйствительная роль присяжныхъ. Оставаясь до этого момента пассивными свидѣтелями процесса и слушателями словопреній, происходившихъ между ораторами обвиненія и защиты, выслушавъ за тѣмъ взгляды и внушенія прокурорской части и наконецъ, какъ вѣнецъ всего разбирательства, заключенія самого трибунала, присяжные вступаютъ въ свою настоящую роль непосредственныхъ представителей общества и — если угодно (ибо это всегда будетъ такъ)—его психическаго настроенія. Это настроеніе общества, смотря по обстоятельствамъ времени, болѣе или менѣе строгое или снисходительное получитъ такимъ образомъ въ первый разъ въ законѣ справедливую возможность правильно и прямо выразиться въ рѣшеніи своихъ представителей—присяжныхъ. Съ другой стороны, ни какое преступленіе, лишь бы оно принадлежало къ числу дѣйствій предусмотрѣнныхъ закономъ, не избѣжитъ осужденія и не ускользнетъ отъ наказанія, какъ случается нерѣдко нынѣ. Присяжнымъ предстоитъ, спокойно взвѣсивъ поступокъ обвиняемаго на моральныхъ вѣсахъ своей собственной совѣсти, произнести *окончательный* приговоръ, который будетъ состоять въ томъ, что *они* изберутъ тотъ родъ и ту степень наказанія изъ числа указанныхъ имъ разъясненіями трибунала, которые какъ по ихъ собственному разуму и чувству, такъ и по господствующему въ данный моментъ настроенію общества, покажутся имъ наиболѣе соотвѣтствующими характеру преступленія и степени вины подсудимаго.

Въ такой измѣненной формѣ, судъ присяжныхъ представится въ болѣе безупречномъ видѣ и цѣль достиженія правосудія, т. е. наказаніе нарушителей уста-

новленнаго порядка и законовъ будетъ вѣрнѣе обезпечена. Судъ остается, какъ теперь, открытымъ и публичнымъ,—въ чемъ заключается одна изъ гарантій его правильности и справедливости,—преступленіе ни въ какомъ случаѣ не избѣгнетъ наказанія, какъ бы сентиментально ни были настроены присяжные—и законъ ни въ какомъ случаѣ не останется мертвою буквою, какъ случается иногда теперь. Съ другой стороны, господствующему настроенію публичнаго мнѣнія и чувства общества, делегатами или органомъ коего на судѣ являются присяжные, предоставлена будетъ возможность нестѣсненно выразиться въ выборѣ степени наказанія изъ ряда указанныхъ имъ трибуналомъ. При этомъ, отъ присяжныхъ не нужно будетъ требовать ни единогласія, ни какого либо условнаго большинства голосовъ. При такой постановкѣ, простое ариѳметическое большинство вполнѣ удовлетворительно для всѣхъ задачъ, которыя будутъ подлежать присяжнымъ.

Могутъ быть случаи, какъ было упомянуто выше, что сами судьи, по справкѣ съ законами, не найдутъ виновности подсудимаго и признаютъ его неподлежащимъ вовсе никакому наказанію, но роль присяжныхъ этимъ не отмѣняется. Право окончательнаго приговора остается все таки за самимъ обществомъ и ни кому имъ не уступается. Присяжные обсуждаютъ между собою подобный случай одинаково какъ всякій другой, и приносятъ свое рѣшеніе въ залу суда: они—или соглашаются съ судьями,—или не соглашаются Въ первомъ случаѣ, судъ этимъ и оканчивается и подсудимый немедленно и на мѣстѣ освобождается; во второмъ случаѣ, когда присяжные не при-

нимаютъ оправдательнаго рѣшенія трибунала, дѣло должно быть перенесено въ другую судную палату и снова изслѣдовано и обсуждено другими судьями и другими присяжными. (Вторичный судъ долженъ быть во всякомъ подобномъ случаѣ въ тоже время и окончательнымъ.)

Могутъ быть также случаи, когда присяжные останутся вообще недовольными веденіемъ процесса, совершеннаго безъ ихъ участія, хотя передъ ихъ глазами, или когда юридическія разъясненія судей ихъ не удовлетворяютъ и они несогласны съ ихъ заключеніями. Но совѣсть присяжныхъ должна быть свободна и имъ должно принадлежать право выразить свое несогласіе съ заключеніями судей, (не допуская при этомъ съ ихъ стороны ни какихъ объясненій или мотивировки своего несогласія, но и не требуя также отъ ихъ заявленія ни единогласія, ни какого либо условнаго большинства голосовъ). Все должно ограничиться заявленіемъ ихъ главы или предсѣдателя, что присяжные немогутъ согласиться съ заключеніями трибунала. Въ такомъ случаѣ поступается такъ же, какъ было сказано выше, т. е. дѣло переносится въ другую судную палату, съ другими судьями и другими присяжными, и рѣшеніе вторичнаго суда будетъ и въ этомъ случаѣ окончательнымъ.

Настоящее предложеніе ничего не измѣняетъ и не отмѣняетъ въ существующихъ установленіяхъ относительно правилъ аппеляціи, кассаціи приговоровъ и т. д. Вообще не должны быть извращаемы роль и назначеніе присяжныхъ: ихъ дѣло отнестись къ извѣстному единичному дѣлу, которое предоставляется на ихъ рѣшеніе, а отнюдь не что иное; по этому ни

какихъ разсужденій о смыслѣ или буквѣ закона, или о ходѣ и характерѣ веденія процесса трибуналомъ, или наконецъ разъясненій и мотивированія ихъ собственнаго рѣшенія,—какъ вообще никакихъ отступленій отъ единственнаго пункта, который они призываются рѣшать, не должно быть допускаемо.

Вся сущность предлагаемой перемѣны состоитъ съ одной стороны, въ нѣкоторомъ расширеніи сферы дѣйствія судей, на которыхъ въ существующихъ условіяхъ возложена только форменная сторона дѣла, т. е. правильное веденіе процесса; юридическая же суть задачи и рѣшеніе обсуждаемаго вопроса отъ нихъ отняты, между тѣмъ какъ они и по спеціальному образованію своему и по опытности несравненно болѣе способны и приготовлены судить объ юридическихъ вопросахъ чѣмъ 12 присяжныхъ, созванныхъ «съ вѣтра» и юридическая подготовка коихъ къ совершенію ихъ высокой обязанности нерѣдко ограничивается только тѣмъ, что они слышали въ своихъ клубахъ или дома отъ своихъ женъ. Между тѣмъ это и есть именно то, что называется психическимъ настроеніемъ общества и «общественнымъ мнѣніемъ», и съ нимъ справедливо и необходимо считаться, слѣдовательно нужно приготовить для него и соотвѣтствующій органъ, черезъ который оно можетъ нестѣсненно, свободно и правильно выражаться. Такой органъ и представляютъ присяжные, которыхъ назначеніе служитъ отголоскомъ этого мнѣнія и быть ближайшими, прямыми и непосредственными представителями чувствъ и взглядовъ общества. Но эти взгляды и чувства, это «общественное мнѣніе» бываетъ въ извѣстныя минуты такъ сентиментально настроено и такъ измѣнчиво и

капризно, такъ легко увлекается и такъ скоро раскаявается во своихъ увлеченіяхъ, что если дать ему волю какъ нынѣ, то сейчасъ же появляются эти странныя и необъяснимыя рѣшенія суда присяжныхъ, такія рѣшенія, которыя, едва осуществившись, уже дѣлаются предметомъ осужденія и негодованія того же самого общества, сентиментальности коего они обязаны своимъ происхожденіемъ.

Пусть же останутся обѣ стороны, участвующія въ уголовномъ судѣ, при своихъ естественныхъ обязанностяхъ. Трибуналу ученыхъ судей — разборъ и обсужденіе юридической стороны дѣла, приложеніе соотвѣтствующаго закона и взвѣшиваніе проступка на отвлеченно точныхъ «вѣсахъ правосудія»; обществу и ревнивому «общественному мнѣнію»—открытыя двери суда и полная свобода, взвѣсивъ дѣло на моральныхъ вѣсахъ своей совѣсти, всѣ свои симпатіи или антипатіи приложить на офиціальныя «вѣсы правосудія», —не опрокидывая ихъ однако совсѣмъ, какъ это нынѣ нерѣдко случается.

И. Л.

Библіотека ИМЭЛ

Августа 1898.

Типо-литографія «Русско-французскаго Вѣстника» въ Ниццѣ.